Михаил Агапов

Перехват протеста: фрейм-анализ публичной акции

Статья изучает с точки зрения фрейм-аналитического подхода механизм перехвата гражданского протеста партийными активистами. Сравниваются порядки коммуникаций (фреймы), характерные для партийных публичных акций и для «новых митингующих». Пример публичных акций в Тюмени в декабре 2011 г. показывает, как попытка совместных действий актива политических партий и «новых митингующих», призванная поддержать и расширить движение протеста, привела к его спаду вследствие несовместимости культурных стандартов первых и вторых, проявившейся на уровне социальных взаимодействий лицом к лицу.

Ключевые слова: публичная акция, протест, фрейм-анализ, порядки коммуникаций, политическая повседневность, событие.

Mikhail Agapov. Stealing Protest: An Essay on a Frame Analysis of the Mass Public Event

The article deals with the mechanism of stealing civil protest by the Party officials from the point of view of the frame analysis. The communication structures (frames) of the traditional party officials and «new protesters» mass public events are compared in the study. A case of the mass public events in Tyumen in December 2011 shows the apparent attempt by the party officials and «new protesters» to cooperate together in maintaining and extending the protest movement, but really, this led to the downturn in protest activity due to the *cultural incompatibility of* the *first and second ones*, which was manifested in *face-to-face interaction*.

Keywords: the mass public events, protest, frame analysis, communication structures, the political everyday life, event.

Агапов Михаил Геннадьевич — историк (Тюменский государственный университет), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (Тюмень). Научные интересы: социология повседневности, теория фреймов, структурные контексты повседневных взаимодействий.

Исследователи протестной волны 2011–2012-х годов предложили ряд причин, объясняющих, по их мнению, спад движения: низкая результативность протестов, разочарование протестующих в лидерах движения, уход моды на протест [Волков, 2012; Левашов, 2012; Новая протестная волна, 2012 и др.]. Перехват протеста партийными активистами, вытеснение ими «новых митингующих», вышедших на улицу в декабре 2011 г.[1], отмечался рядом авторов, изучавших протестные выступления в столице и регионах [Лобанова, Семенов, 2012а; Мирясова, 2012; Татаркова, 2013; Тимофеева, 2012].

Наша задача состоит в анализе перехвата протеста партийными активистами с точки зрения социологии повседневности. Нас интересует, *как* перехват протеста был осуществлен на уровне социальных коммуникаций лицом к лицу. Ответ на этот вопрос позволит, как мы надеемся, лучше понять внутренние коллизии протестных выступлений, которыми, возможно, определялась их динамика.

Существуют два основных подхода к объяснению политики через повседневность: теория практик и теория фреймов [Вахштайн, 2008; Плотичкина, 2010]. Теория практик концентрируется на рутинизированных способах поведения, порождающих нерефлексируемые символические структуры [Волков, Хархордин, 2008, с. 32]. Социологическая версия теории фреймов восходит к трудам Г. Бейтсона по теории коммуникации, выделявшим в каждой коммуникации два плана, буквальный и метакоммуникативный. Метакоммуникативное сообщение (сообщение о сообщении) представляет собой набор сигналов, маркирующих буквальное действие. Фрейм, понимаемый как метакоммуникативная оболочка буквального действия, определяет (фреймирует) коммуникацию, придает ей определенный смысл. С точки зрения теории фрей-

1 Так, характеризуя участников протестных акций зимы 2011/12 гг., М. Алексеевский отмечает: "...основную массу митингующих составляли не активисты политических движений, а люди, прежде избегавшие подобных акций и мало интересовавшиеся политикой ... Очевидно, что участники митингов в большинстве своем находятся в оппозиции к действующей власти, однако считать их всех сторонниками партий и движений, выступивших в качестве организаторов акций протеста, также некорректно. Замешательство политиков, пытающихся понять, кто все эти люди и чего они хотят, было остроумно обыграно в лозунге «Вы нас даже не представляете», который впервые появился на митинге в Санкт-Петербурге 10 декабря, а затем многократно воспроизводился в других городах». Алексеевский М. Кто все эти люди (с плакатами)? // Антропологический форум. 2012. №16. Online http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/alekseevsky2.pdf

мов, неважно, *что* сделано, важно, *как* сделано, или, точнее, как представлено: «бесценная акварель, хранимая по соображениям безопасности в папке с репродукциями, оказывается в данном контексте лишь репродукцией» [Гофман, 2004, с. 677]. В отличие от теории практик, где в центре внимания находится практический акт, содержащий в себе условия своего совершения или создающий такие условия, анализ фреймов нацелен на изучение *контекста* практического акта. Контекст наделяется относительно автономным, независимым от конкретных практик существованием [Вахштайн, 2008].

Фрейм-аналитический подход к анализу событий

Ключевыми элементами анализа фреймов в нашем случае выступают наблюдение, определение события, выявление и категоризация его фреймов, интерпретация события. В теории социальных событий А. Филиппова *событие* представляет смысловой комплекс, означающий соотносительное акту наблюдения единство. Событие наблюдается и различается на основе социальных согласований: коммуникаций и значимых символов. Публичная акция служит в терминологии А. Филиппова *исходным событием*, которое задает общую перспективу наблюдаемым в нем порядкам коммуникаций. Исходное событие образуется из *событий коммуникации*, смыкающихся в определенные конфигурации наподобие орнамента, сложенного из повторов и /или чередований своих элементов [Филиппов, 2004]. События коммуникации фиксировались в ходе включенного наблюдения в системе координат *социальная организация события* (критерий — общее определение ситуации) — *субъективная вовлеченность* (критерий — общая телесная идиоматика) [Гофман, 2004, с. 71]. Каждому конкретному эпизоду коммуникации соответствует только одна магистральная линия (main track) коммуникации. Такое устройство эпизодов коммуникации позволяет, с одной стороны, классифицировать коммуникации аналитически, а с другой — выявлять их практически посредством наблюдения[1]. Порядки коммуникаций исходного события выявляются путем встраивания зафиксированных событий коммуникации в ряд изоморфных событий и детальной

1 Ср.: «Если человек вообще действует, он обязательно создает магистральную линию своего поведения (main track), где все открыто внешнему наблюдателю, и одновременно подчиненные, вспомогательные линии, назначение которых состоит в том, чтобы управлять основным действием (и одновременно быть управляемыми), при этом вспомогательные линии не смешиваются с основными» [Гофман, 2004, с. 577].

фиксации различий, важных для понимания специфики каждого из них.

Фрейм, будучи матрицей события коммуникации, одновременно является и схемой его интерпретации: «тип используемого фрейма задает способ описания события» [Гофман, 2004, с. 84–85]. Анализ фреймов делит порядки коммуникации на *базовые* (буквальные) и *транспонированные*, перенесенные в иной, изначально не свойственный им контекст. Транспонированные фреймы можно сравнить с пародией, подражанием некоторому хорошо известному образцу, которое, однако, «касается только внешней стороны „образца", его ритмики, синтаксиса, сюжетных положений и т. п., имея совершенно иную внутреннюю направленность» [Зунделович, 1925]. Публичные акции, как и другие повседневные события, чаще всего представляют собой транспонированную деятельность. Наблюдение за публичными акциями обнаруживает в них ряд (вос) производящихся порядков коммуникаций, таких, как демонстрация, диспут, фотосессия, гуляние, спортивное мероприятие и др[1]. Иначе говоря, мы не можем наблюдать публичную акцию как публичную акцию: для фрейм-аналитика она представляет собой происходящее в публичном месте театральное представление, диспут, демонстрацию, фотосессию и т. д.

Ни одна публичная акция не состоит из коммуникаций только одного типа. По ходу действия постоянно происходит *рефрейминг* ситуации: изменяются принципы организации пространства, ролевые позиции участников действия и соответственно тип их поведения. В каждый момент времени в ходе публичной акции мы, как правило, можем наблюдать наложение различных порядков коммуникации друг на друга. Наложение порядков коммуникации возможно или как наслоение (layering) контекстов взаимодействия, результатом которого становится усложнение структурной контекстуализации события, или как их интерференция, взаимное ослабление, приводящее к утрате определенности и ясности ситуации (misframing). Мисфрейминг всегда скоротечен, он завершается восстановлением прежнего порядка коммуникации или возникновением нового.

1 Подробнее об этом см.: Агапов М. Г. Порядки коммуникаций на публичных мероприятиях: опыт фрейм-аналитического исследования // Социология власти. 2012. № 8. С. 58–73.

Порядки коммуникации на публичной акции

Перехват протеста с точки зрения фрейм-аналитического подхода будет рассмотрен далее на примере публичных акций «За честные выборы» в декабре 2011 г. в Тюмени. Организатором первой из них, согласованного с городскими властями митинга 5 декабря, выступил Совет инициативных групп и граждан (СИГГ) Тюмени[1]. Митинг, посвященный итогам парламентских выборов, собрал 150–200 человек и прошел в режиме свободного микрофона: «мнение о прошедших выборах высказали два с половиной десятка человек», часто «завязывались споры» [Небывалый цинизм выборов..., 2011]. Митинг проходил под партийными флагами и баннерами, традиционными для партийных акций, однако самыми активными его участниками стали «новые митингующие».

«Новые митингующие» 10 декабря провели несанкционированный сход граждан, ставший рекордным по числу участников: на центральную площадь города вышло около двух тысяч человек. Участники схода прогуливались, оживленно общались друг с другом. Через полтора часа после начала акции ее участники были вытеснены с площади силами ОМОНа и в основном разошлись. Флаги и баннеры отсутствовали.

Третья публичная акция, санкционированный митинг «За честные выборы» 24 декабря, был организован совместными усилиями СИГГ и «новых митингующих» и собрал 500–800 человек[2]. На последующих акциях «За честные выборы» 4 февраля и 5 марта 2012 г. формат митингов постепенно переходит к партийным активистам, способствуя отчуждению «новых митингующих» [Лобанова, Семенов, 2012b, с. 140].

Партийный митинг 5 декабря стал первой встречей партийных активистов и «новых митингующих». Сход 10 декабря оказался триумфальным, по масштабам Тюмени, выходом «новых митингующих» на политическую сцену. Митинг 24 декабря, его подготовка и проведение представлял собой первый и последний опыт

1 См.: [Совет инициативных групп и граждан Тюмени, 2010]. СИГГ создан осенью 2010 г. как объединение гражданских инициативных групп для обмена опытом и взаимной поддержки при проведении публичных акций. Доминирующее положение в Совете заняли представители несистемных оппозиционных партий, из-за чего СИГГ превратился, по сути, в межпартийный клуб, а организованные СИГГ публичные мероприятия — в партийные акции.

2 См. [Протокол заседания СИГГ от 18.12. 2011; Протокол заседания СИГГ от 15. 01. 2012].

сотрудничества партийных активистов и «новых митингующих» (рис. 1). Именно после митинга 24 декабря, точнее, как показано ниже, в ходе него, стало заметным отчуждение «новых митингующих» от партийных активистов. «Новые митингующие» исчезли так же быстро, как и появились. Весной 2012 г. протестные публичные акции в Тюмени «возвращаются к прежним (до декабрьским) ритуализированным формам, когда основной целью является демонстрация публичного присутствия партий» [Лобанова, Семенов 2012b, с. 136].

Рис. 1. Митинг «За честные выборы» 24 декабря 2011 г.
Источник: Митинг в Тюмени // Блог Павла Анущенко. «Фото до и после» (http://padlik-66.livejournal.com/50 860.html).

Митинг 24 декабря проходил как закрытое театральное представление — действие было изоморфно классическому театру. Участники коммуникации такого типа вовлекаются в нее в качестве актеров, рабочих сцены или зрителей. Для закрытого театрального представления, в отличие от открытого, характерно четкое обозначение границы между сценой и зрительным залом. Сцена включает в себя игровую часть, задний (арьерсцена) и передний (авансцена) планы и закулисы. Задний план сцены митинга 24 декабря был образован фонтаном с помещенными на нем транспарантами: «Совет инициативных групп и граждан Тюмени», «Российская коммунистическая рабочая партия», «Они нас даже не представляют», «Потерял доверие — в отставку!» (последний — с портретом В. Путина). Авансцена была обозначена тумбой для оратора и звуковыми колонками. На переднем плане, примерно на уровне человеческого роста, также размещались транспаранты и плакаты. Таким образом, была создана ступенчатая композиция: верхняя задняя ступень (арьерсцена), средняя ступень (игровая часть) и нижняя передняя ступень (авансцена) (рис. 2).

Рис. 2. Сцена митинга «За честные выборы» 24 декабря 2011 г. Источник: Альбом фотографий «24 декабря» // Группа «Против жуликов и воров» (http://vk.com/album-32 838 007_149 162 739).

Полноценное сценическое действие невозможно без зрителя: «зрители являются ферментом, без которого спектакль обращается в ничто» [Брук, 1976, с. 45]. Организаторы публичных акций в форме закрытых театральных представлений часто приводят с собой зрителей, как правило, своих товарищей по партии. Ангажированные зрители напоминают хор древнегреческого театра в описании Ф. Ницше, также представляя собой «самоотражение» актера, в данном случае политического, который «видит образ исполняемой им роли с полной ясностью, как нечто осязаемое, перед своими глазами» [Ницше, 1990, с. 84]. «Актер» и ангажированные под его выступление «зрители» нужны друг другу и поддерживают друг друга (рис. 3).

После беспрецедентного для Тюмени выхода на площадь 10 декабря почти двух тысяч человек партии и движения, входящие в СИГГ, были озабочены тем, «чтобы у нас не было движения вниз, чтобы вышло много людей» [Протокол заседания СИГГ от 18. 12. 2011]. Для обеспечения массовости следующей акции протеста 24 декабря использовались интернет-ресурсы, распространялись листовки, но, прежде всего, партийные активисты рассчитывали на явку членов своих организаций. Каждая политическая группа мобилизовала собственных «зрителей». Снаряженные соответствующей партийной символикой (флагами, шарфами, транспарантами), они заняли первые места в «партере». Наиболее отчетливо выделялись «хоры» РКРП, КПРФ, Партии народной свободы (ПАРНАС), русских националистов.

Рис. 3. Группы ангажированных зрителей на митинге «За честные выборы» 24 декабря 2011 г.
Источники: Протестное // Блог Дмитрия Изосимова «Опавшие листья» (http://izosimov.livejournal.com/410 165.html); Альбом фотографий «24 декабря» // Группа «Против жуликов и воров» (http://vk.com/album-32 838 007_149 162 739).

«Новые митингующие» заняли «галерку». Некоторые из них имели белые ленточки и самодельные плакаты, как правило, небольшие: «Хотим голосовать сами», «Эти выборы — фарс», «Я здесь бесплатно» и др. Примечательно, что плакаты «хоров» были обращены к «сцене», к своим ораторам, тогда как «новые митингующие» стремились показать свои плакаты всем собравшимся на площади, прохожим, журналистами. Многие плакаты были двусторонними, обращенными одновременно и к «сцене», и к «зрительному залу» (рис. 4). «Новые митингующие» воспроизвели еще один порядок коммуникации: демонстрация, участниками которой являются демонстранты, передающие сообщение, и аудитория, которой сообщение направляется.

Таким образом, воспроизводился еще один порядок коммуникации — демонстрация. Его участниками являются демонстранты (кто сознательно и целенаправленно передает сообщение) и аудитория (те, кому сообщение направляется). Важнейшим элементом демонстрации выступают специальные средства коммуникации, которые одновременно являются самим сообщением: плакаты, знаки на одежде, надписи или рисунки на видимых частях тела, сами тела участников.

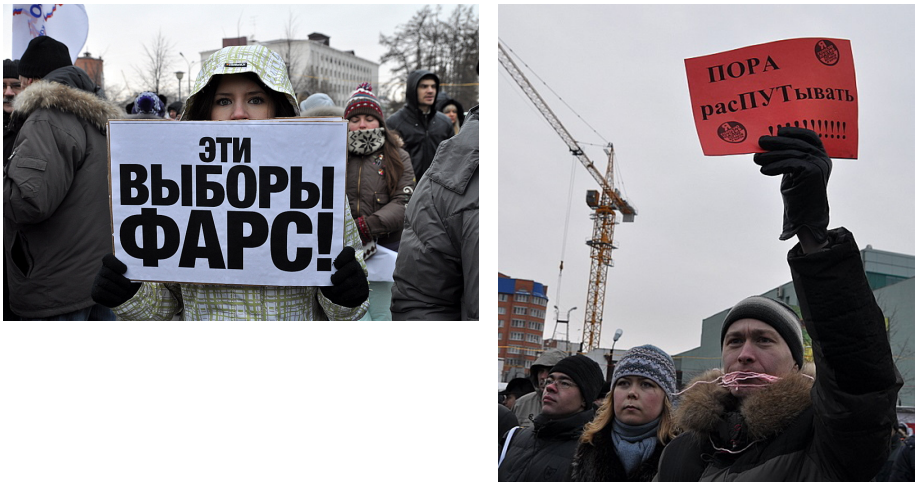

Рис. 4. «Новые митингующие» на митинге «За честные выборы» 24 декабря 2011 г.
Источник: Митинг «Тюмень за честные выборы» // Блог «Околофотографическая личность» (http://shafali2883.livejournal.com/284 849.html).

В начале митинга «хоры» и «новые митингующие» стояли плотной массой вокруг сцены, слушали ораторов. По мере того как внимание к происходящему на сцене снижалось, в «зрительном зале»

завязывались беседы (как правило, внутри своей компании), группы «зрителей» стали дистанцироваться друг от друга. Наибольшая дистанция возникла между «хорами», с одной стороны, и группами «новых митингующих» — с другой; эта дистанция сохранялась до конца митинга. По сути дела, «хоры» оттеснили «новых митингующих», которые в основной своей массе превратились в зрителей спектакля «митинг», разыгранного ораторами и их «хорами».

На публичных мероприятиях, как правило, присутствуют множество фотографов и видеооператоров, действия участников обрамляются активным фотографированием и видеосъемкой. Участники публичного мероприятия могут не обращать на оператора особого внимания, сохраняя свои текущие ролевые позиции. В таком случае рефрейминг не происходит, «оператор» своими действиями лишь создает еще один слой события (layering), усложняя тем самым его структурный контекст. Однако после того как участники акции принимают на себя роль фотографирующихся, начинают позировать, перегруппировываться, работать на камеру, возникает новый порядок коммуникации — «фотосессия» (рис. 5). Техническая переналадка (technical redoing) посредством активного использования фото- и видеоаппаратуры превращает ситуацию в изображение ситуации. Чаще всего фотосессии устраиваются участниками публичных акций, которые должны отчитаться о мероприятии, в том числе фотоматериалами, в первую очередь партийными активистами.

Рис. 5. Фотосессия на митинге «За честные выборы» 24 декабря 2011 г. Источник: Альбом фотографий «24 декабря» // Группа «Против жуликов и воров» (http://vk.com/album-32 838 007_149 162 739).

Таким образом, фрейм-аналитический подход позволил различить несколько порядков коммуникаций внутри внешне единого события «публичная акция». Важно заметить, что выявленные порядки коммуникаций отличаются не только по образцу, которому они следуют (театральное представление, демонстрация, фотосессия и др.), но и по культурным стандартам и социальным ролям участников [Гофман, 2004, с. 350]. Митинг 24 декабря в целом проходил как театральное представление, однако одни его участники воспроизводили закрытое театральное представление, а другие — открытое театральное представление. Поведение первых было отчетливо ритуализированным, последних, — скорее, игровым, развлекательным с элементами фарса и индивидуального перформанса. Культурные стандарты публичных акций и их проведения, которым следовали партийные активисты, с одной стороны, и «новые митингующие» — с другой, оказались плохо совместимыми.

Заключение

Обращение новых гражданских активистов к СИГГ за технической помощью в декабре 2011 г. было обусловлено отсутствием у «новых митингующих» собственного опыта организации публичных акций. Входящие в СИГГ партийные активисты полагали, что, выступая формальными организаторами митинга 24 декабря, они всего лишь организуют сцену (в прямом и переносном смысле) для «новых митингующих», не выходя за рамки чисто технических вопросов. На деле, однако, сам способ фреймирования сцены (партийные транспаранты, флаги, «хоры») задал мероприятию сугубо *партийный* формат — ритуализированный, замкнутый на сцену, тогда как «новые митингующие» стремились к проведению *гражданской* акции, спонтанной и открытой. Перехват протеста стал следствием не столько того, что «организация протеста постепенно перешла из рук гражданских активистов к партийным» [Лобанова, Семенов, 2012b], а того, что формат воспроизводимых последними порядков коммуникаций для «новых митингующих» оказался неприемлемым.

Библиография

1. *Брук П. Пустое пространство. М.: Прогресс, 1976.*
2. *Вахштайн В. С. «Практика» vs. «Фрейм»: альтернативные подходы к исследованию социального мира // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 65–95.*
3. *Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2008.*
4. *Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты» // Левада-центр (http://www.levada.ru/sites/default/files/movementreport_0.pdf).*

5. *Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН; Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004.*
6. *Зунделович Я. О. Пародия // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 1. Стлб. 560–561.*
7. *Левашов В. К. Гражданское общество: протест или консенсус? // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 3. С. 73–83.*
8. *Лобанова О. Ю., Семенов А. В. (a) Протест, который (пока) не стал движением // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Матер. IV Очередного Всероссийск. социолог. конгресса. Ин-т социально-полит. и правовых исследований Респ. Башкортостан, 2012 (CD ROM).*
9. *Лобанова О. Ю., Семенов А. В. (b) От неучастия к действию. Гражданско-политическая активность в Тюменской области в декабре 2011—сентябре 2012 гг. // Вестник общественного мнения. 2012. № 3–4 (113). С. 134–140.*
10. *Мирясова О. А. Российская глубинка и мегаполисы: ценностные основания протестных выступлений // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 4 (110). С. 50–56.*
11. *«Небывалый цинизм выборов» обсудили на площади/Наш город. ру, Тюмень, 2013 (http://www.nashgorod.ru/news/news47 014.html)*
12. *Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–156.*
13. *Новая протестная волна: мифы и реальность // Фонд развития гражданского общества (http://civilfund.ru/mat/view/37).*
14. *Плотичкина Н. В. Политическая социология повседневности: концепт практик versus концепт фреймов // ПОЛИТЭКС (Политическая экспертиза). 2010. Т. 6. № 2 (25). С. 227–240.*
15. *Протокол заседания СИГГ от 18.12.2011 // Golosa.info. Тюмень. 2011 (http://golosa.info/book/export/html/6032).*
16. *Протокол заседания СИГГ от 15.01.2012 // Golosa.info Тюмень. 2012 (http://golosa.info/book/export/html/6109).*
17. *Совет инициативных групп и граждан Тюмени // Golosa.info. Тюмень. 2010 (http://www.golosa.info/sovet).*
18. *Татаркова Д. Роль политической оппозиции в протестном движении 2011–2012 гг. // Власть. 2013. № 7. С. 35–37.*
19. *Тимофеева Л. Н. Современное протестное движение в мире и в России: его состояние и особенности // Конфликтология. 2012. № 3. С. 53–72.*
20. *Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // Логос. 2004. № 5 (44). С. 3–28.*

References

1. *Bruk P. (1976) **Pustoe prostranstvo**. M.: Progress.*
2. *Vakhshtayn V. S. (2008) «Praktika» vs. «Freym»: al'ternativnye podkhody k issledovaniyu sotsial'nogo mira // **Sotsiologicheskoe obozrenie**. T. 7. № 1. S. 65–95.*
3. *Volkov V. V., Kharkhordin O. V. (2008) Teoriya praktik: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v SPb.*
4. *Volkov D. Protestnoe dvizhenie v Rossii v kontse 2011–2012 gg.: istoki, dinamika, rezul'taty» // **Levada-tsentr** (http://www.levada.ru/sites/default/files/movementreport_0.pdf).*
5. *Gofman I. (2004) **Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta**. M.: In-t sotsiologii RAN; In-t Fonda «Obshchestvennoe mnenie».*

6. *Zundelovich Ya. O. (1925) Parodiya // **Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov**: v 2 t. M.; L.: Izd-vo L. D. Frenkel'. T. 1. Stlb. 560–561.*
7. *Levashov V. K. (2012) Grazhdanskoe obshchestvo: protest ili konsensus? // **Monitoring obshchestvennogo mneniya**. № 3. S. 73–83.*
8. *Lobanova O. Yu., Semenov A. V. (2012a) Protest, kotoryy (poka) ne stal dvizheniem // **Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie**. Mater. IV Ocherednogo Vserossiysk. sotsiolog. kongressa. In-t sotsial'no-polit. i pravovykh issledovaniy Resp. Bashkortostan (CD ROM).*
9. *Lobanova O. Yu., Semenov A. V. (2012b) Ot neuchastiya k deystviyu. Grazhdansko-politicheskaya aktivnost' v Tyumenskoy oblasti v dekabre 2011—sentyabre 2012 gg. // **Vestnik obshchestvennogo mneniya**. № 3–4 (113). S. 134–140.*
10. *Miryasova O. A. (2012) Rossiyskaya glubinka i megapolisy: tsennostnye osnovaniya protestnykh vystupleniy // **Monitoring obshchestvennogo mneniya**. № 4 (110). S. 50–56.*
11. ***«Nebyvalyy tsinizm vyborov» obsudili na ploshchadi**/Nash gorod. ru, Tyumen', 2013 (http://www.nashgorod.ru/news/news47 014.html)*
12. *Nitsshe F. (1990) Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimizm // Nitsshe F. **Sochineniya**: v 2 t. T. 1. M.: Mysl'. S. 47–156.*
13. ***Novaya protestnaya volna: mify i real'nost'** // Fond razvitiya grazhdanskogo obshchestva (http://civilfund.ru/mat/view/37).*
14. *Plotichkina N. V. (2010) Politicheskaya sotsiologiya povsednevnosti: kontsept praktik versus kontsept freymov // (**Politicheskaya ekspertiza**). T. 6. № 2 (25). S. 227–240.*
15. ***Protokol zasedaniya ot 18.12.2011**//Golosa.info. Tyumen'. 2011 (http://golosa.info/book/export/html/6032).*
16. ***Protokol zasedaniya ot 15.01.2012**//Golosa.info Tyumen'. 2012 (http://golosa.info/book/export/html/6109).*
17. ***Sovet initsiativnykh grupp i grazhdan Tyumeni** // Golosa.info. Tyumen'. 2010 (http://www.golosa.info/sovet).*
18. *Tatarkova D. (2013) Rol' politicheskoy oppozitsii v protestnom dvizhenii 2011–2012 gg. // **Vlast'**. № 7. S. 35–37.*
19. *Timofeeva L. N. (2012) Sovremennoe protestnoe dvizhenie v mire i v Rossii: ego sostoyanie i osobennosti // **Konfliktologiya**. № 3. S. 53–72.*
20. *Filippov A. F. (2004) K teorii sotsial'nykh sobytiy // **Logos**. 2004. № 5 (44). S. 3–28.*